

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00322894 7

Bely, Andrey
Stikhi o Rossii

PG

3453

B84A17

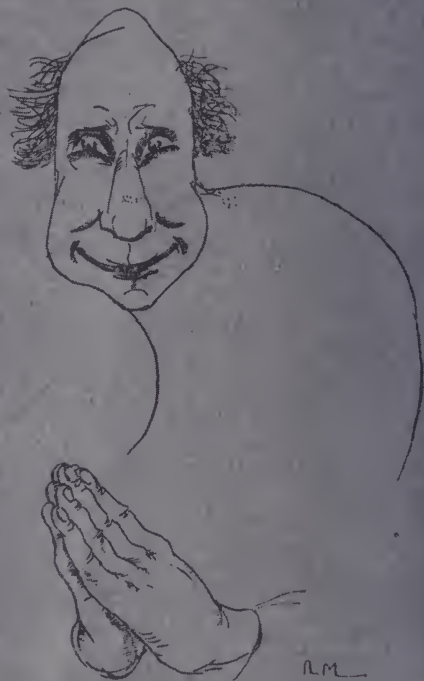
1922

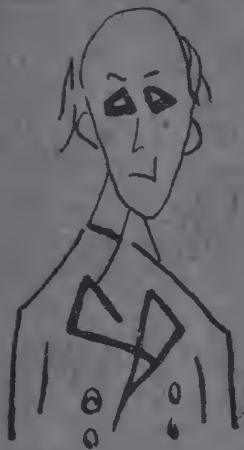
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ
СТИХИ О РОССИИ

== ЭПОХА ==

Рис. Малаховский.

Андрей Белый.

АБ

Андрей Белый
(Автопортрет).

ТИПОГРАФІЯ
Е. А. ГУТНОВА
ВЕРЛИНЪ

ОБЛОЖКА
РАБОТЫ
ГР. ГЛИКМАНА

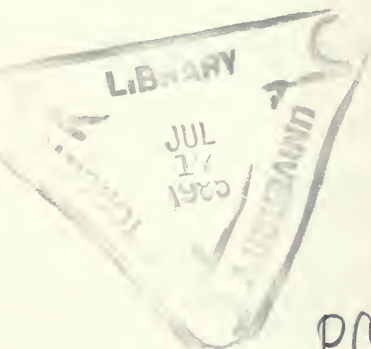
АНДРЕЙ БЪЛЫЙ

СТИХИ О РОССИИ

Stikhi

Э П О Х А

БЕРЛИНЪ | МСМХХІІ

PG

3453

B84 A17

1922

СТИХИ О РОССІИ

ИЗЪ ОКНА ВАГОНА

Поѣздъ плачется: въ дали родныя
Телеграфная тянется сѣть.
Пролетають поля росяныя;
Пролетаю въ поля: умереть.

Пролетаю: такъ пусто, такъ голо!..
Пролетають — вонъ тамъ; и вотъ здѣсь —
Пролетають: за селами — села...
Пролетають: за весями — весь.

И погостъ, и кабакъ, и ребенокъ,
Засыпающій тамъ, у груди:
Тамъ — убогія стаи избенокъ;
Тамъ — убогія стаи людей.

Мать Россія, тебѣ мои пѣсни, —
О нѣмая, суровая мать:
Здѣсь и глуше мнѣ дай и безвѣстнѣй
Непутевую жизнь отрыдать...

Поѣздъ плачется: въ дали родныя
Телеграфная тянется сѣть
Тамъ — въ пространства твои росыныя:
Съ буреломомъ осеннимъ гудѣть.

1908. Августъ.

ВОЛЯ

За мною грохочущій городъ
На склонѣ палящаго дня.
Ужъ вѣтеръ въ разстегнутый воротъ
Прохладой цѣлуетъ меня.

Въ пространство бѣжить — убѣгаетъ
Далекая лента шоссе.
Лишь перепелъ сѣрый мелькаетъ,
Взлетая, ныряя въ овсъ.

Разсыпались по полю галки.
Въ деревнѣ блеснулъ огонекъ.
Иду: за плечами на палкѣ
Дорожный виситъ узелокъ.

Слагаются темныя тѣни
Въ узоры промчавшихся дней.
Снжу. Обнимаю колѣни
На грудѣ дорожныхъ камней.

Слетается сумракъ крылатый
Въ одно роковое кольцо.
Уставился столбъ полосатый
Мнѣ цифрой упорной въ лицо.

1904. Августъ.

ВОЛЯ

Здравствуй, —

— Желанная

Воля

Свободная! —

— Воля

Побѣдная

Даль —

Осіянная —

— Холодная!

Блѣдная!

Вѣтеръ проносится, желтыя травы колебля, —
Цвѣтики поздніе, бѣлые.
Палъ на холодную землю.

Странны размахи упругаго стебля,
Вольные, смѣлые.
Шелесту внимаю.

Тише...

Довольно: —

— Цвѣтики

Поздніе, блѣдные, бѣлые, —

Цвѣтики,

Тише...

Я плачу: мнѣ больно!...

1904. Августъ.

КАТОРЖНИКЪ

Бѣжалъ. Распростился съ конвоемъ.
Въ лѣсу обагрилась земля.
Я крался надъ вѣчнымъ поксемъ,
Жестокую месть утоля, —

Сжимая безжизненный посохъ
Холодною, твердой рукой;
Я сталъ на суровыхъ откосахъ,
Поникъ надъ родною рѣкой.

На камень упалъ бѣлъ-горючій,
Закутался въ сѣрый халатъ;
Глядѣлъ на косматыя тучи,
Глядѣлъ на багровый закатъ.

Въ пространствахъ, гдѣ вспыхивалъ пламень,
Повисъ сиротливый дымокъ.
Я гладилъ и землю, и камень,
И ржавые обручи ногъ.

Навѣкъ распростился съ Сибирью;
Прости ты, родимый острогъ,
Гдѣ годы надъ водною ширью
Въ желѣзныхъ цѣпяхъ изнемогъ; —

Гдѣ годы встрѣчалъ я со страхомъ
Едва прозябающій день;
И годы тяжелымъ размахомъ
Я молотъ кидалъ на кремень;

Гдѣ жизнь я кидалъ, проклиная,
Лихой, клокотавшей пургѣ;
Гдѣ ѣдкая стужа, стальная,
Сжигала вѣтрами въ тайгѣ.

Гдѣ до-крови въ холодѣ мгlistомъ
Подъ жалобой плачущій кличъ,
Изъ воздуха падая свистомъ
Кусалъ меня бѣшеный бичъ.

1905. Июль.

Тѣ же росы, откосы, туманы...
Надъ бурьянами рдяный восходъ.
Холодѣющій шелестъ поляны,
Голодающій, бѣдный народъ.

И въ раздольѣ, на волѣ — неволя...
И суровый, свинцовый нашъ край
Намъ бросаетъ съ холоднаго поля,
Посылаетъ намъ крикъ: „Умирай“.

Небо дымные пологи бросить...
Тѣ же стаи насытыхъ смертей, —
Надъ откосами косами косятъ,
Надъ откосами косятъ людей.

1908. Августъ.

ПОЛЕВОЙ ПРОРОКЪ

Средь каменьевъ меня затерзали,
Затерзали пророка полей.
Я на кость — полевая скрижали —
Проливаю цвѣточный елей.

Облеченъ въ лошадиную кожу,
Песью челюсть воздѣвъ на чело,
Ликованьемъ окрестность встревожу, —
Какъ прошло: все прошло — отошло!

Разразитесь призывныя трубы
Надъ раздольемъ осеннихъ полей!
Въ хмурый сумракъ оскалились зубы
Величавой короны моей.

Поле — домъ мой. Песокъ — мое ложе.
Пологъ — дымъ росянистыхъ полянъ.
Загорбатится съ палкой прохожій —
Присѣдаю покорно въ бурьянъ.

Нынѣ, странники, съ вами я: скоро-жъ
Дымнымъ дымомъ отъ васъ пронесусь —
Я — просторовъ рыдающій сторожъ —
Исходившій Великую Русь.

1907. Январь.

ДЕРЕВНЯ

Снова въ полѣ, обвѣваемъ
Легкимъ вѣтеркомъ.
Поле всхлипываетъ лаемъ
За глухимъ селомъ.

Протопорщился избенокъ
Криворотый строй,
Будто сѣрыхъ старушенокъ
Полоумный рой.

Ощетинились ихъ спины,
Какъ сухая шерсть.
День и ночь струять равнины
Въ нихъ съдую персть.

Такъ изъ пепельныхъ волоконъ
Павъ на лысь бугоръ,
Смотрять отблесками оконъ
Въ голубой просторъ.

Съ огородовъ надъ полями
Плещется лоскутъ...
Здѣсь встрѣчаютъ дни за днями —
Ничего не ждутъ.

Дни за днями, годъ за годомъ...
Вновь: за годомъ — годъ...
Недородъ за недородомъ...
Здѣсь — глухой народъ!

Знойный токъ и жжетъ и жарить.
Парить: быть грозѣ.
Тучей вставъ, она ударить
Молнией въ бирюзѣ.

Свѣточъ бѣшено багровый
Грохнетъ, тучи взрывъ:
Съ кручи кустъ многовѣнцовый
Хряснетъ подъ обрывъ.

1908. Июнь.

РОССІЯ

Довольно: не жди, не надѣйся, —
Разсѣйся, мой бѣдный народъ!
Въ пространство пади и разбейся
За годомъ мучительный годъ.

Вѣка нищеты и безволя...
Позволь же, о родина мать,
Въ сырое, въ пустое раздолье,
Въ раздолье твое прорыдать, —

Туда, на равнинѣ горбатой,
Гдѣ стая зеленыхъ дубовъ
Волнуется купой подъятой
Въ косматый свинецъ облаковъ,

Гдѣ по-полю оторопь рыщетъ,
Возставъ сухорукимъ кустомъ,
И въ вѣтеръ пронзительно свищетъ
Вѣтвистымъ своимъ лоскутомъ,

Гдѣ въ душу мнѣ смотрятъ изъ ночи,
Возставши надъ сѣтью бугровъ,
Жестокія, желтыя очи
Безумныхъ твоихъ кабаковъ, —

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея, —
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя.

1908. Июль.

БУРЬЯНЪ

Клянуп я, рыдая свой жребій.
Друзья и жена — далеки.
Холодныя облаки въ небѣ
Влекутъ ледяные клоки.

Порывъ разгулявшейся стужи
Въ поляхъ разорвется, какъ плачь.
Вонъ тамъ — изъ серебряной лужи
Льетъ воду взлохмаченный грачь.

Вонъ тамъ — моимъ возгласамъ внимлетъ
Жилецъ просырѣвшихъ полянъ —
Вонъ колкія руки подъемлетъ
Обсвищенный вѣтромъ бурьянъ.

Ликуетъ, танцуетъ: „Скитальцы,
„Ища свой пріютъ, припадутъ
„Ко мнѣ: мои цѣпкіе пальцы
„Ихъ кудри навѣкъ оплетутъ“.

„Здѣсь буду тебя я царапать,
„Томить, поцѣлуемъ клонясь...“
Но топчетъ истрепанный лапотъ
Упорнѣе жидкую грязь.

За мною шуршитъ до деревни
Колючее, злое рѣпьѣ...
Пропью, прогуляю въ харчевнѣ
Растирое грязью тряпьѣ.

Ждутъ : голодъ да холодъ ужотко,
Тюрьма да сума — впереди.
Свирѣлая, крѣпкая водка
Огнемъ разливайся въ груди!..

1906. Августъ.

РОДИНЪ — МАТЕРИ

Я вышелъ изъ бѣдной могилы.
Никто меня не встрѣчалъ —
Никто: только кустикъ хилый
Облетѣвшей вѣткой кивалъ.

Я сѣлъ на могильный камень...
Куда мнѣ теперь итти?..
Куда свой потухшій пламень —
Потухшій пламень нести?

Собрала ихъ ко мнѣ — могила.
Забыли все съ того дня.
И та, что, быть можетъ, любила —
Не узнаетъ теперь меня.

Испугаю ихъ темью впадинъ;
Постучусь — они дверь замкнутъ.
А здѣсь — отъ дождя и градинъ
Не укроетъ истлѣвшій лоскутъ.

Нѣтъ: спрячусь подъ душныя плиты...
Могила, родная мать,
Ты одна вѣнкомъ разбитымъ
Не устанешь надъ сыномъ рыдать.

1907. Январь.

РОССІЯ

Есть въ лѣтѣ что-то роковое, злое...

И — въ воѣ злой зимы...

Волненіе, кипѣніе мірское!

Плѣненные умы!

Всѣ грани чувствъ, всѣ грани правды стерты:

Въ мірахъ, въ годахъ, въ часахъ —

Одни тѣла, тѣла, тѣла простерты...

И — праздный прахъ...

Въ грядущее проходимъ — строй за строемъ
Рабы: безъ чувствъ, безъ душъ...
Грядущее, какъ прошлое, покроемъ
Лишь грудой тушъ...

Въ мятежъ міровъ, въ немаревныя муки,
Когда то спасшій насъ, —
Простри-жь и Ты измученныя руки, —
Въ который разъ!

1916. Октябрь.

ДЕРЕВНЯ

Едва яси́ють огоньки.
Мутнѣють склоны, доли, дали.
Висятъ далекіе дымки,
Какъ безглагольные печали.

Изъ синей тьмы летитъ порывъ.
Полыни плещутъ при дорогѣ.
На тучахъ — глыбахъ грозовыхъ —
Летуче блещутъ огнероги.

Невыразимое — нѣжнѣй...
Неотразимое — упорнѣй...
Невыразимы бѣги дней,
Неотразимы смерти корни.

Въ горячей радости ночей
Ключи ея упорнѣй бьются:
Въ кипучей сладости очей
Мерцаньемъ маревнымъ мятутся.

Благословенны: жизни токъ,
И стылость смерти непреложной,
И — зеленѣющій листокъ,
И — ветхій корень придорожный.

1916. Июнь.

РОССИИ

Въ години праздныхъ испытаній,
Въ години мертвой суеты —
Затверденъй алмазомъ брани
Въ перегорѣвшихъ угляхъ — Ты.

Возстанъ въ сердцахъ, сердца исполни!
Произрастай нашъ край родной
Неодолимымъ блескомъ молній
Неопалимой купиной.

Изъ моря слезъ, изъ моря муки
Судьба твоя — видна, ясна :
Ты простираешь въ высь, какъ руки,
Свои святыя пламена —

Туда, — въ разрывы грозной эры
И въ визгъ космическихъ стихій, —
Туда, — въ свѣтлѣющія сферы,
Въ грома летящихъ іерархій.

1916. Октябрь.

ВЪ ПОЛЯХЪ

Въ волнахъ золотистаго хлѣба
По прежнему вѣтеръ бѣжитъ,
По прежнему нѣжное небо
Надъ зорями грустно горитъ.

Въ зѣирныя, синія зыби
Лети литургія моя, —
Въ землѣ, упадающей глыбѣ,
О, небо, провижу тебя.

Алмазами душу наполни,
Родной стариною дыша:
Изъ свѣточей, блесковъ и молній
Сотканная, — плачетъ душа!

Все вспомнилось: прежнимъ привѣтомъ
Слетаетъ въ невольный мой стихъ
Архангелъ, клокочущій свѣтомъ
На солнечныхъ крыльяхъ своихъ.

1914. Май.

РОССІЯ

Пылай, огневая стихія,
Въ столбахъ громового огня :
Россія, Россія, Россія,
Безумствуй, сжигая меня.

Въ Твои роковыя разрухи,
Въ глухія Твои глубины —
Струять крылорукіе духи .
Свои свѣтозарные сны.

Не плачьте : склоните колѣни, —
Туда, въ ураганы огней,
Въ грома серафическихъ пѣній,
Въ потоки космическихъ дней.

Сухія пустыни позора,
Моря неизливныя слезъ, —
Лучомъ безглагольнаго взора
Согрѣетъ сошедшій Христосъ.

Пусть въ небѣ и Кольца Сатурна,
И млечныхъ путей серебро :
Кипи фосфорически бурно
Земли огневое ядро.

И ты, громовая стихія,
Безумствуй, сжигая меня :
Россія, Россія, Россія —
Мессія грядущаго дня.

1917. Августъ.

ВѢСТЬ РОССИИ

Открылось!... Вѣсть — весенняя: ударъ —
молніеносный...

Разорванный,
Пылающій,
Блистающій
Покровъ.
Въ грядущія, громовыя,
Блистающія
Весны,
Какъ въ радуги прозрачныя, спускается —
Христось!

И голосъ поднимается изъ огненнаго облака:

— „Вотъ —

„Чаша

„Благодатная,

„Исполненная дней!“

И огненные голуби изъ огненнаго воздуха

Раскидываютъ свѣточн, какъ два крыла —

— надъ Ней.

1914. Май.

Вѣстью овѣяны,
Души простремъ
Въ свѣтомъ содѣянный
Радостный громъ

Въ неописуемый,
Въ огненный годъ, —
Духомъ взыскуемый
Голубь сойдетъ.

1918. Февраль.

РОССІИ

Россія — Ты?.. Смѣюсь, и — умираю ...
И — ясный взоръ ловлю ...
Невѣроятная, — Тебя я знаю:
Въ невѣроятностяхъ люблю.

Какъ красные, мелькающіе маки, —
Мелькающіе мнѣ, —
Какъ бабочки, мелькающіе знаки
Летятъ на грудь ко мнѣ.

Прими мои нѣмѣющія руки,
Исполненныя тьмой, —
Туда: въ Твои незнаемые муки
Слетаетъ разумъ мой.

Судьбой — Собой — ты чашу дней наполни.
И — чашу дней: испей!
Волною молній душу преисполни!
Мечами глазъ добей!

Блаженствую: и тихо замираю,
И — ясный взоръ ловлю.
Я — знаю все... Я ничего не знаю...
Люблю, люблю, люблю!

1918. Май.

АНТРОПОСОФІИ

Русскому будущему.

Изъ глубины проговорившей ночи
Въ моемъ окнѣ
Нежданныя, сіяющія очи
Восходятъ мнѣ.

Блится лучъ изъ ясной рукояти,
Какъ острый мечъ.
Мой бѣдный умъ къ ногамъ смущенныхъ братій
Слетаетъ съ плечъ.

Я — обезглавленъ въ набѣжавшемъ свѣтѣ
Лучистыхъ глазъ.
Мы — вспыхнувшіе, вспыхнувшіе дѣти:
Не бойтесь насъ.

Проснулись мы, но для земли погасли.
Мы — тихій стихъ.
Мы — образуемъ солнечныя ясли,
Ребенокъ въ нихъ.

Слѣпую мглу бунтующей стихіи —
Преобрази!
Влекутъ меня Твои, Христософія,
Твои стези!

Ты снилась мнѣ, смѣясь, когда-то, гдѣ-то,
Сестра моя.
Люблю Тебя... Ты — персикова цвѣта
Цвѣтущая заря.

Какъ вѣшній вихрь, гласятъ неумолимо,
Гласятъ въ голубизнѣ, —
Твои слова, промчавшіяся мимо,
Но сказанныя — мнѣ.

Въ Твоихъ глазахъ блистають воды, суши...
Бросаюсь въ нихъ.
Изъ глазъ Твоихъ я просіяю въ души,
Какъ тихій стихъ.

Пусть сердце, обезумѣвшая птица,
Въ нѣмой мольбѣ,
Взрывая грудь, какъ легкая зарница,
Летитъ — къ Тебѣ.

1918. Февраль.

МЫ, — РУССКІЕ

Братьямъ антропософамъ.

Мы взвиваемъ въ мірахъ неразвѣянный прахъ,
Угрожаемъ провалами мертвенныхъ лѣтъ.
Въ просіявшихъ пирахъ, въ отпылавшихъ мірахъ
Мы — летящая стая горящихъ кометъ.

Завиваемъ изъ дали спирали планетъ:
Заплетаются нити судьбинъ и годинъ...
Мы — серебряный, зрѣющій, вѣющій свѣтъ.
Среди синихъ, таимыхъ, любимыхъ годинъ.

1918. Февраль.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Страница
Изъ окна вагона	9
Воля (За мной грохочущій городъ)	11
Воля (Здравствуй, — желанная)	13
Каторжникъ	15
Тѣ же росы, откосы, туманы	18
Полевой пророкъ	20
Деревня (Снова въ полѣ)	22
Россія (Довольно: не жди, не надѣйся)	25
Бурьянъ	27
Родниѣ — матери	30
Россія (Есть въ лѣтѣ что-то роковое, злое)	32
Деревня (Едва яснѣютъ огоньки)	34
Россін (Въ години праздныхъ испытаній)	36
Въ поляхъ	38
Россія (Пылай, огневая стихія)	40
Вѣсть Россін	42
Вѣстью овѣяны, души простремъ.	44
Россін (Россія — Ты? . .)	45
Антропософін	47
Мы, — русскіе	50

**PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET**

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
